

Утопическое утешение

То не сердце заныло под ребрами –
Невпопад перепады давления.
Опасение вкрадчивой коброю
И пророческих снов наваждение.

То не барские, братцы, объятия.
Рубиконы, препоны, предательства
Мимоходом затёрлись в приятели,
По привычке вина обстоятельства.

То не крыльям просторы наскучили.
И не плечи, от горя поникшие.
К ядовитым усмешкам приучены
Губы, от поцелуев отвыкшие.

И не книги, что напрочь зачитаны,
Пребывают в душе утешением.

А поэзии выдох молитвенный,
Неподвластный земным искушениям.

Двое

Облюбовав для строк двадцатый век,
Не рассчитав по-богатырски силы,
Они гадали – что есть человек
В мятущейся растерзанной России.

Один прославил русскую деревню.
Другой лишь Революции был верен.
Один любил Россию, как царевну.
Другой в любви к России был умерен.

Пусть кудри одного подобны злату.
Второй черноволос, горлан циничный.
На гениев Россия так богата,
Но судьбы их России безразличны.

Их было двое, двое слишком разных.
И в то же время двое столь похожих.
Но образ той эпохи несуразной
Их волей и талантом подытожен.

Валентину Устинову

Есть новости – от них спасенья нет...
Ты навсегда ушёл... И пепел
Всех недокуренных тобою сигарет,
С небес, как снег, летит, крылат и светел.

О чем мечтал ты в двадцать лет, отец?
О доблестях, о подвигах, о славе?

Ты теплоту остуженных сердец
Будил, я осуждать тебя не вправе

За то, что был ты от меня далёк.
За то, что ты не знал мои печали.
Что от разлуки долгой ты продрог
И счастлив был в разлуке той едва ли.

И за стихи, что ты не дописал,
И за любовь, не ставшую судьбою.
За те слова, что ты мне не сказал,
За женщин, недолюбленных тобою.

Пустоцвет

Ответь мне – неужели, неужели
Вокруг тебя намёка нет на свет?..
Ужель глаза, что светом пламенели,
Теперь погасли, словно пустоцвет?..

Ты в полдень не отбрасываешь тени...
А в полночь ты на горестной земле
Лежишь один, обняв свои колени
Ребёнком, кем-то брошенным во мгле.

Ты моего прощенья не чаешь,
Совсем один оставшись на земле...
...Но на исходе сумрачной печали
Я солнцем вспыхну на твоём челе.

Жбонь

Переступишь порог в мёртвом свете луны,
Игнорируя шёпоты странных видений...
Слыша стон половицы на дне тишины,
Ты вступил в Запанской, в этом нет сомнений.

Эту гавань покинули все корабли.
Лишь немая Самарка струит одиноко
Те преданья, что здесь навсегда полегли,
Испокон зуб за зуб здесь и око за око.

На съеденье безвестности ты обречён.
Глеет сердце в груди, покрываясь золою.
Эту жизнь и эпоху мы жбонью зовём.
Впрочем, чем мы отличны от жбони с тобою?

Мой дом родной, мой шлейф ребячьих грёз...
Я в нём познать способна Божье благо.
Здесь зябликов порханье, шум берёз,
И детворы влюблённая ватага.

Я в старенькую дверцу постучусь,
Остановлю часы – дыханье слушать.
Здесь слабой показаться не боюсь,
Очнувшись, в детство отворяю душу.

Прости меня, любимый дом родной.
Избавь от неизбежных тяжких мыслей.
Но всей энергией небесной под луной
Ты напои меня, росой в лучах умывший.